

УДК 94(44) «1815/1848»

Гончарова Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru

РУССКАЯ ПОЛИТИКА КАБИНЕТОВ РЕСТАВРАЦИИ И ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ

После падения Наполеона, которому Российская империя немало поспособствовала, политический вес этой страны в международных делах значительно возрос. Венский конгресс заложил основы нового баланса сил, но реальность последовавших затем первых десятилетий была более системой двойной гегемонии двух периферийных держав, России и Англии.

Такой контекст ограничил возможные альтернативы французской дипломатии между 1815 и 1848 гг. Перед ней стояла задача найти узкое пространство между этими двумя потенциальными союзниками или соперниками.

Основанное на анализе содержания инструкций, которыми снабжались французские послы перед их отбытием к месту дипломатической службы, в Санкт-Петербург, исследование приходит к выводу о существовании значительного сдвига после 1830 г. Правительства Реставрации склонны были рассматривать Россию как своего естественного союзника, до такой степени, что замыслили совместную акцию в целях ревизии Венской системы в 1829 г., во время так называемого «плана Полиньяка». В пору Июльской монархии, в силу неохотного признания ее Николаем I, французы примкнули к Лондону по большинству вопросов, и отношения с Санкт-Петербургом оставались все время прохладными, несмотря на спорадические усилия с обеих сторон, чтобы прийти к лучшему пониманию.

Ключевые слова: русская политика, режим Реставрации, Июльская монархия, дипломатия, инструкции, посольство Франции в России.

T. Goncharova

Goncharova Tatiana Nikolaevna – PhD in History, Assistant Professor of the Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru

THE RUSSIAN POLICY OF THE BOURBON RESTORATION AND JULY MONARCHY GOVERNMENTS

After the fall of Napoleon, to which it had contributed no little, the weight of the Russian Empire in international affairs was significantly increased. The Congress of Vienna had laid the foundations for a new balance of power, but the reality of the first decades that followed was more a system of double hegemony by both peripheral powers, Russia and England.

Such a context limited the alternatives of the French diplomacy between 1815 and 1848. It had to find a narrow space between those two potential allies or rivals.

Basing on the instructions given by the French governments to their ambassadors in Russia, this paper comes to the conclusion there was a notable shift after 1830. Restoration ministers tended to consider Russia as their natural ally, to the point of contemplating common action to revise the Vienna system in 1829 at the time of the so-called «Polignac plan». The whole political climate changed after the 1830 Revolution. The July monarchy being reluctantly recognized by Emperor Nicholas I, the French sided with London on most issues and the relation with St. Petersburg remained always cool in spite of sporadic efforts from both sides to come to a better understanding.

Key words: Russian policy, Restoration, July monarchy, diplomacy, instructions, French Embassy in Russia.

*****

Новое европейское равновесие, в основе которого лежали постановления Венского конгресса 1815 г., базировалось на господстве двух периферийных держав, Российской империи и Великобритании. Обе были практически неуязвимы, одна под покровом своего огромного пространства, где Наполеон неосторожно погубил себя, как Карл XII

до него, другая под защитой морей. Единственной возможностью для побежденной Франции выйти из замкнутого круга, в котором держал ее союз победителей, неоднократно возобновлявших Шомонский трактат¹, было сближение с одной из этих держав.

Но кто определял внешнюю политику Франции в интересующую нас эпоху? В конституционном режиме, учрежденном Хартией (4 июня 1814), королевская прерогатива оставалась значительной, так как министры назначались королем и управляли под его руководством. Во всяком случае, никто не оспаривал права государя на руководство внешней политикой. Министр иностранных дел присутствовал на заседаниях Совета министров и работал непосредственно с королем. Важная должность председателя Совета, введенная во Франции в июле 1815 г., не была ясно определена в том, что касается широты его полномочий и власти над другими министрами, в том числе над министром, в руках которого находился портфель иностранных дел.

Английский или русский союз (1814–1830)?

По отзывам современников, восстановленный на троне своих предков усилиями антинаполеоновской коалиции король Франции и Наварры Людовик XVIII (1814–1824) не был страстно увлечен иностранной политикой. Адольф Тьер, который в 1820-е гг. пробовал свои силы в журналистике, характеризовал впоследствии короля как человека *«остроумного, но рассеянного, испытывающего к внешней политике достаточно большое равнодушие, и рассматривающего как фатальное наследство Наполеона свою слишком большую вовлеченность во внешние дела...»*². В результате, Людовик XVIII предоставлял своим министрам иностранных дел действовать, как они считали нужным, работая лишь с бумагами, которые попадали непосредственно в его поле зрения.

---

¹Шомонский трактат, подписанный 1 марта 1814 г. Россией, Великобританией, Австрией и Пруссией, содержал положения об оборонительном и наступательном союзе для предотвращения новой агрессии со стороны Наполеона. На его основе 20 ноября 1815 г. в Париже был подписан договор о Четверном союзе, целью которого было обеспечение выполнения Францией обязательств по второму Парижскому мирному договору. На Аахенском конгрессе четыре державы подписали секретный протокол (1 ноября 1818), который подтверждал сохранение Четверного союза на случай нового революционного потрясения во Франции.

²*Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. 18 t. T. 18. Paris, 1860. P. 640.*

Последний король Франции и Наварры, Карл X (1824–1830), более внимательно, чем его предшественник, следил за ходом дел в области внешней политики, впрочем, как и в других сферах государственного управления. Сторонник активной дипломатии, он помышлял о том, чтобы возвеличить Францию. Его сочувствие борьбе греческих повстанцев за национальное освобождение сыграло большую роль в процессе обретения Грецией независимости с 1827 по 1830 гг., а желание смыть кровью нанесенные национальной чести оскорбления – в подготовке и снаряжении карательной экспедиции французской эскадры в Алжир³.

Принимая во внимание, что личностные особенности руководителей играют, без всякого сомнения, важную роль в политике и дипломатии, так же как и в других сферах человеческой деятельности, нельзя не учитывать тот факт, что четыре министра иностранных дел режима Реставрации имели опыт жизни в Российской империи: Арман-Эмманюэль дю Плесси герцог де Ришелье, барон Максанс де Дама, граф Огюст де Ла Ферронэ и герцог Жюль де Полиньяк. Все они прибыли в Россию, спасаясь от Французской революции.

Арман-Эммануэль де Ришелье более десяти лет исполнял обязанности генерал-губернатора Новороссийского края и был, по меткому выражению Ш.-М. де Талейрана, «уроженцем Франции, который лучше всего знает Крым»⁴.

Максанс де Дама, бывший Санкт-Петербургский кадет, сохранил от своих лет учебы в российской столице такую военную чопорность, что производил впечатление человека, проглотившего трость, вроде тех бранденбургских офицеров, которых осмеивал немецкий поэт Генрих Гейне⁵.

Огюст де Ла Ферронэ очутился на территории Российской империи в составе армии принца Конде в 1798 г., по случаю приглашения императором Павлом I французских эмигрантов на свою службу. Как и другие участники роялистской армии, он дал клятву верности царю и

---

³*Schroeder P.W.* The transformation of European politics 1763–1848. Oxford, 1994. P. 650, 668. См. также: *Theis L.* Entre besoin de repos et désir de gloire (1815–1870) // Histoire de la diplomatie française. Paris, 2005. P. 532 – 533; *Castelot A.* Charles X. La fin d'un monde. Paris, 1988. P. 438.

⁴Цит. по: *Contamine H.* Diplomatie et diplomates sous la Restauration (1814 – 1830). Paris, 1970. P. 54.

⁵*Carné L. de.* Souvenirs de ma jeunesse au temps de la Restauration. Paris, 1872. P. 61.

носил русский военный мундир в течение некоторого времени⁶, после чего поступил на службу к наследнику французского престола герцогу Беррийскому. В марте-апреле 1813 г. в качестве посланца Людовика XVIII он побывал проездом в Санкт-Петербурге, откуда, не найдя Александра I, отбыл в генеральный штаб русской армии⁷.

Жюль де Полиньяк, автор реакционных ордонансов, спровоцировавших Июльскую революцию в 1830 г., провел отроческие годы в украинском поместье, дарованном его отцу императором Павлом I.

Более или менее длительное пребывание в России всех вышеперечисленных лиц не означает, разумеется, что все они непременно были русофилами. Но, без всякого сомнения, от этих лиц, занимавших ответственные посты руководителя правительства и министра иностранных дел, можно было ожидать более взвешенных решений в области двусторонних отношений в силу более глубокого их знакомства с Россией. Однако и это знание русских реалий не исключало с их стороны некоторых предубеждений или иллюзий.

До тех пор, пока Шарль-Морис де Талейран, бывший министр Наполеона, руководил дипломатией, с мая 1814 по сентябрь 1815 гг.⁸, французская иностранная политика опиралась на Англию. В начале этого периода Парижский мирный договор от 30 мая вернул территорию Франции к границам 1792 г., добавив к ней 5 тыс. км². Людовик XVIII, даровав Хартию, рассчитывал на умиротворение страны, однако, отставные военные сожалели о Наполеоне, новая элита демонстрировала недовольство презрительной снисходительностью вернувшихся эмигрантов, крестьяне опасались возврата феодальных повинностей, ввиду реваншистских требований дворянской аристократии. Ассоциируемый с «полетом Орла», побег Наполеона с острова Эльба и возвращение в Тюильри стали следствием изложенной выше ситуации, положив начало эпизоду «Ста дней». Тем не менее, Наполеону не удалось расколоть коалицию европейских государств, которые несмотря на разногласия давшие о себе знать на Венском конгрессе, вновь объединились против него.

---

⁶См.: *Costa de Beauregard. Souvenirs tirés des papiers du comte A. de La Ferronnays 1777–1814.* Paris, 1901. P. 70.

⁷*Daudet E. Histoire de l'émigration pendant la Révolution française.* 3 t. Paris, 1905–1907. T. 3. P. 513.

⁸С июля по сентябрь 1815 г. он сочетал руководство иностранными делами с должностью председателя Совета.

Инструкции Талейрана для первого посла реставрированных Бурбонов в Санкт-Петербурге, Жюста де Ноайля, были составлены с явным намерением приуменьшить роль Александра I в освобождении Франции от наполеоновского режима. Успехи русского оружия объяснялись помощью союзников, а Тильзитский договор 1807 г. объявлялся компромиссом с революцией⁹. Весь текст инструкций был составлен в довольно язвительной манере. Талейран перечислял территориальные потери Франции, акцентируя внимание на том, что Александр I *«сохраняет часть Польши, Финляндию, часть Валахии и восемь миллионов подданных, приобретением которых Россия обязана единственно Французской революции»*¹⁰. В тексте отсутствовало определение франко-русских отношений в выражениях дружбы и сотрудничества. *«Не настал еще момент для того, чтобы определить политические отношения, которые в будущем смогут установиться между Францией и Россией»*¹¹. Талейран обязывал посла сосредоточить внимание на заключении нового торгового договора с Россией, а также на переговорах на предмет проекта брачного союза между герцогом Беррийским и великой княжной Анной Павловной. Наконец, послу вменялось в обязанность проникнуть в замыслы императора относительно будущей судьбы созданного Наполеоном Варшавского герцогства.

В конечном счете, Талейран более чем кто-либо иной оказался в состоянии держать под контролем этот последний вопрос. На Венском конгрессе, он, как известно, всячески противодействовал присоединению Польши к России и Саксонии к Пруссии. Оборонительный договор между Францией, Австрией и Англией от 3 января 1815 г. свидетельствовал о том, что ему удалось расколоть коалицию¹². И хотя неожиданная высадка Наполеона в Жуанской гавани вновь сплотила державы, Александр I навсегда сохранил воспоминание о предательстве своих союзников. В результате интриг Талейрана, российский император получил лишь часть

---

⁹Инструкции для г-на графа Жюста де Ноайля, королевского посла в России, 23 июля 1814, Париж // Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814–1820): В 3 т. / Под ред. А. Половцова. Сборник русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 112, 119, 127. СПб., 1901–1908. Т. 112. С. 42.

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

¹²См.: *Waresquiel E. de. Talleyrand: le prince immobile*. Paris, 2006. P. 483–485.

бывшего Варшавского герцогства, а Пруссия – лишь часть Саксонии с компенсацией по левому берегу Рейна.

С сентября 1815 по декабрь 1818 г., в период, когда А.-Э. де Ришелье возглавлял Совет министров и дипломатическое ведомство, французская внешняя политика поменяла ориентацию, перейдя от сотрудничества с Великобританией к сотрудничеству с Россией. Убедив герцога де Ришелье возглавить правительство, император Александр I рассчитывал получить через его посредство возможность воздействия на французскую внутреннюю и внешнюю политику. Но это же обстоятельство побудило русского императора к защите интересов Франции. Именно благодаря поддержке Александра I правительству Ришелье удалось сразу же добиться смягчения некоторых условий второго Парижского мирного договора (20 ноября 1815), который урезал французскую территорию до границ 1790 г., наложил на нее контрибуцию в 700 млн. франков и обязал содержать на своей территории 150-тысячную армию союзников до уплаты в пятилетний срок означенной суммы.

Франция оказалась в тяжелом положении: часть ее территории была оккупирована иностранными войсками и на ней возлежала огромная контрибуция. Потому Ришелье счел нужным снабдить Ж. де Ноайля инструкциями в дополнение к тем, которые были получены им от Талейрана. В этих инструкциях, датированных февралем 1816 г., говорилось об узах признательности, которые связывают Францию с Россией. *«Отнюдь не сохраняя той осторожности, которая раньше должна была служить основой его поведения, граф Ноайль поймет, что все его старания должны клониться к тому, чтобы сделать этот союз более тесным, общим обоим народам, чтобы он служил оплотом для Франции, в течение тех лет слабости, на которые она осуждена»*¹³.

Политика ориентации на Россию, приобретенную после победы над Наполеоном имидж наиболее могущественной державы континента, принесла ощутимые плоды.

Установившаяся сразу после вторичного отречения императора атмосфера страха и преследований обеспечила ультрароялистам явное преимущество, что отразилось на составе избранной в августе 1815 г. Палаты депутатов, названной «бесподобной» (chambre «introuvable») в силу крайне реакционных взглядов ее представителей. Развернувшийся

¹³Памятная записка для использования в качестве дополнения к инструкциям г-ну графу де Ноайлю, возвращающемуся в Санкт-Петербург в качестве королевского посла // Сб. РИО. Т. 112. С. 416 – 417.

в стране «белый террор» получил законный характер, символом чего стал вотированный пэрами расстрел маршала Нея. Поэтому либеральная Франция вздохнула с облегчением, когда королевский ордонанс от 5 сентября 1816 г. распустил «бесподобную» палату. Александр I, внимательно наблюдавший из российской столицы за соблюдением законности во Франции, как известно, внушил королю эту меру посредством своего посла в Париже. Хлопоты Александра I перед союзными державами привели к уменьшению оккупационного корпуса на 1/5 его состава, то есть на 30 тысяч человек с 1 апреля 1817 г., а также к определению максимальной суммы частных долгов Франции по отношению к иностранцам (конвенция от 25 апреля 1818 г.).

Но кульминацией русской поддержки, без всякого сомнения, стал Аахенский конгресс (29 сентября – 21 ноября 1818). Принятая на нем конвенция от 9 октября постановила о досрочном освобождении французской территории от оккупационных войск, которое должно было произойти не позднее 30 ноября 1818 г. Сумма контрибуции подверглась сокращению. Тогда же Франция присоединилась к Священному союзу, созданному в 1815 г. по инициативе Александра I и зарекомендовавшему себя как противник национальных и революционных движений во имя поддержания выработанного на Венском конгрессе порядка, так называемой Венской системы.

Достигнув желаемых результатов на Аахенском конгрессе, герцог де Ришелье, не сумев сформировать кабинет, который включал бы в себя правый центр и ультрароялистов, и ушел в отставку в декабре 1818 г., к вящему разочарованию российского императора.

Бывший генерал Первой империи Жан Жозеф Дессоль, в течение года, что возглавлял министерство иностранных дел¹⁴, силился соблюсти баланс между английским и русским влияниями. Он попытался вывести Францию из состояния прежней дипломатической пассивности, предложив свое посредничество для возможных сценариев примирения взбунтовавшихся латиноамериканских колоний Испании с метрополией. Но чрезвычайная миссия генерала Гюло д'Озри в Санкт-Петербург летом 1819 г. закончилась неудачей. Императорский кабинет не поддержал вынашивавшиеся в Париже планы создания в Латинской Америке

---

¹⁴Он исполнял также функции председателя Совета (29 декабря 1818 – 19 ноября 1819), но вследствие решающего влияния на дела фаворита Людовика XVIII Эли Деказа, возглавляемый им кабинет получил название кабинета Дессоля-Деказа.

конституционных монархий под управлением принцев из испанского дома¹⁵.

Инструкция для посланника в России Огюста де Лаферронэ, составленная Ж. Дессолем, начиналась с тревожных предчувствий, внушаемых силой и влиянием, приобретенными Российской империей в Европе. Непомерные амбиции России грозят *«полнейшим потрясением всех основ в Европе»*, – писал министр¹⁶. Учитывая это обстоятельство, продолжал он, *«<...> ни одна из миссий не обладает большим интересом и важностью, чем та, которую король поручил месье де Ла Ферронэ»*¹⁷. Из этого следует, что посольство в Санкт-Петербурге объявлялось самым важным пунктом французского наблюдения и дипломатии в Европе.

Веря в *«неизбежное столкновение»* между Россией и Англией, Дессоль наказывал послу *«выведать, каковы, во всех вопросах, в которых у Англии и России противоположные интересы, виды Санкт-Петербургского кабинета, и какими средствами он собирается добиться в них успеха. Со стороны Азии, Турция и Персия; в Европе, Испания и Франция, вот, на сей момент, государства, дела которых более всего занимают и с противоположными намерениями, внимание двух кабинетов»*¹⁸.

О. де Ла Ферронэ должен был также использовать разногласия между Россией и Англией для того, чтобы заручиться русской поддержкой для французских проектов касательно испанских колоний, права визита и борьбы с берберскими пиратами. Любопытно, что Ж. Дессоль отрицал всякую возможность враждебных действий России в отношении Османской империи. По его мнению, император Александр I с удовлетворением наблюдал за разложением Блистательной Порты, но ни в коем случае не собирался атаковать турок и тем более составлять какие-либо проекты раздела османской имперской территории.

Наконец, поскольку либеральная политика Александра I в Царстве Польском невольно способствовала поощрению стремлений патриотически настроенных поляков к независимости, нельзя ли было объяснить ее видами на польские территории, включенные в состав Австрийской империи и Прусского королевства? В инструкции также

¹⁵См.: Слезкин Л. Ю. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964. С. 179 – 188.

¹⁶Инструкции для Ла Ферронэ, королевского посланника в России, 14 октября 1819, Париж // Сб. РИО. Т. 127. С. 197 – 198.

¹⁷Там же.

¹⁸Там же.

говорилось, что главная обязанность посла – стремиться поддерживать в императоре благоприятное расположение к Франции, но в то же время не пытаться рассорить Россию с другими державами, так как это неизбежно вызовет подозрения и навредит двусторонним отношениям.

После отставки кабинета Дессоля-Деказа, руководство внешней политикой Франции на два года перешло в руки барона наполеоновской империи Этьена-Дени Паскье, занимавшего пост министра с 1819 по 1821 гг. За это время у власти сменились два кабинета, первым из которых был кабинет Деказа (19 ноября 1819 – 20 февраля 1820), а вторым – кабинет герцога де Ришелье (21 февраля 1820 – 12 декабря 1821). Э. Деказ, хотя и интересовался по преимуществу внутривнутриполитическими делами, установил особые отношения с английским послом Стюартом¹⁹, но продержался у власти недолго. После потрясшего королевскую семью 13 февраля 1820 г. убийства герцога Беррийского, младшего сына графа д'Артуа, Эли Деказ и его сторонники из левого центра, близкие к доктринерам, получили отставку.

Последовавшее за этим назначение герцога де Ришелье новым главой правительства означало возобновление политики сближения с Россией. Э.-Д. Паскье писал посланнику О. де Ла Ферронэ, что союз России и Франции естествен и даже необходим; но при этом Франция должна занять достойное положение и принять все возможные предосторожности, чтобы не оказаться в ситуации сателлита России. *«Мне представляется, что это вам достаточно проясняет вашу позицию: всегда быть державой, к которой Россия относилась бы с наибольшим доверием; противиться английскому влиянию, которое должно очевидно стремиться устранить наше влияние; давать почувствовать, при всяком удобном случае, что наша политика по самой природе вещей самая прямая, и, следовательно, такая, на которую можно всего более полагаться...»*²⁰. Но процесс франко-русского сближения не был простым. С одной стороны, он зависел от изменений в общей расстановке политических сил в Европе, с другой – на него оказывали существенное влияние различия в политических режимах двух стран.

---

¹⁹Платонова Н. С. Франко-русские отношения с начала Реставрации Бурбонов до смерти императора Александра I // Известия Иваново-Вознесенского политехнического института / Под ред. К.Н. Шапошникова. Пг., 1921. № 3. Июнь. С. 126.

²⁰Письмо Паскье к Ла Ферронэ от 10 августа 1820, Париж // Сб. РИО. Т. 127. С. 435.

В период пребывания у власти второго кабинета Ришелье в двусторонних отношениях Франции и России обнаружился ряд проблем. Так, Франция не сочла возможным вмешиваться в дела Испании, где в январе – марте 1820 г. произошла революция, несмотря на призыв Александра I к державам договориться о средствах восстановления порядка в этой стране. Но после того как в июле 1820 г. вспыхнула революция в Неаполе и Сицилии, французское правительство сочло нужным проявить инициативу, предложив представителям пяти держав собраться для того, чтобы выработать общую декларацию об их отношении к событиям, а не предоставлять дело исключительно Австрии, выражавшей наибольшую заинтересованность в подавлении итальянского революционного движения. В августе 1820 г. в Варшаву, где находился император Александр I, был направлен специальный курьер с поручением доставить предложения французского правительства.

Однако позиция Франции, отмеченная колебаниями на конгрессах в Троппау и Лайбахе, вызвала недовольство Александра I, подогреваемое внушениями К. фон Меттерниха о стремлении французского правительства к союзу с Англией. В конечном итоге, Франция присоединилась к прелиминарному протоколу 19 ноября 1820 г., из которого следовала оккупация австрийскими войсками Неаполитанского королевства, хотя и объявила особой декларацией, что не примет участия в войне. Французское правительство рассчитывало, пойдя на некоторые уступки, сохранить расположение российского императора. Консервативному кабинету Ришелье приходилось считаться с настроениями либеральной оппозиции, которая расценивала как предательство конституционных принципов безоговорочное одобрение закрепленного в потоколе права вмешательства Священного союза (*la Sainte-Alliance*) во внутренние дела других государств с целью подавления там революционных выступлений²¹.

---

²¹См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского министерства иностранных дел. Серия 2: 1815 – 1830. М., 1979. Т. III (XI). С. 591–593. 2 марта 1821 г. Орас Себастиани с трибуны Палаты депутатов призывал министерство дать отчет в своих действиях, а также указывал на то, что Франции следует заручиться союзом с Англией, а не с Россией, которая желает установить свое господство над Европой, используя Священный союз как средство для достижения этого результата. См.: Archives parlementaires de 1787 à 1861 / Sous la direction de M. J. Mavidal et E. Laurent. 2e série. Т. 30. Paris, 1875. P. 246–249.

В 1821 г. герцог де Ришелье, как ни странно, отклонил предложение российского императора об открытом союзе с Францией в случае русско-турецкой войны, несмотря на его заманчивость. *«Поставьте циркуль на ширину от Гибралтара до Дарданелл, – говорил царь послу О. де Ла Ферронэ, – выберите то, что подходит вам, и рассчитывайте <...> на искреннюю и существенную поддержку со стороны России»*²². Историки объясняют странный отказ Ришелье тем, что, зная непостоянство Александра I, он желал, чтобы русская сторона предоставила письменные гарантии взятых на себя обязательств²³.

В конце 1821 г. почти одновременно ушли со сцены два самых последовательных сторонника франко-русского сближения А.-Э. де Ришелье и министр иностранных дел Российской империи И. А. Каподистрия.

Матье де Монморанси, руководивший иностранными делами с 14 декабря 1821 г. по 28 декабря 1822 г., и сменивший его знаменитый писатель Франсуа-Рене де Шатобриан, пошли на конфликт с председателем Совета Ж. Виллелем ради реализации своего плана интервенции в Испанию, поддержка которому со стороны России была обеспечена. Эта война, к которой Россия подстрекала Францию на конгрессах в Троппау-Лайбахе и Вероне, должна была, по мнению Шатобриана, послужить сигналом и первым актом французского воскрешения. *«Впоследствии нам нужен будет левый берег Рейна во всю его длину»*²⁴. Таким образом, русский союз в глазах Шатобриана и некоторых других политических деятелей был необходим для восстановления престижа Франции после унижительных договоров 1815 г. Но и после успеха французской экспедиции в Испанию, российский император избегал давать какие-либо гарантии своей поддержки.

В лице барона Максанса де Дама, занявшего министерский особняк на бульваре Капуцинов 6 июня 1824 г., председатель Совета Жозеф Виллель приобрел послушного исполнителя на четыре года, которые ему оставалось провести в этой должности. В эти годы державы были заняты попытками разрешения Восточного вопроса, приобретшего остроту вследствие отчаянной борьбы греков за свою независимость. Начавшаяся в 1821 г. борьба греков-христиан против турок-мусульман вызвала волну сочувствия

---

²²*Sorel A. L'alliance russe et la Restauration // Essais d'histoire et de critique. Paris, 1883. P. 101–102.*

²³См.: *Viel-Castel L. de. Histoire de la Restauration. 20 t. Paris, 1860–1878. T. X. P. 288.*

²⁴*Marcellus Ch. de. Chateaubriand et son temps. Paris, 1859. P. 246.*

по всей Европе, включая Россию. Однако Александр I, усмотрев в ней бунт мятежных подданных, счел неприемлемым оказать безоговорочную поддержку восставшим, предпочитая поиски компромисса.

Санкт-петербургские конференции 1824–1825 г., поставившие целью поиск путей умиротворения турок и греков, не дали никаких результатов, выявив только стремление Австрии и Англии затянуть переговоры. Тюильрийский кабинет, хотя более других союзников поддерживал Россию в ее планах примирения конфликтующих сторон, подобно остальным, отказался согласиться с предложением императора Александра I о вооруженном вмешательстве в пользу греков в случае неуспеха дипломатического нажима. Ж. Виллель, финансист в душе, предпочитал внутреннее благополучие королевства всяким мечтаниям о мировой славе. Кроме того, у французского правительства, как и прежде, не было уверенности в твердости русской позиции.

1824-й и 1825-й годы стали поворотными, как в истории Франции, так и в истории России, прежде всего, в силу произошедшей смены правителей и последовавшим за этим сближением франко-русских политических позиций в условиях распада Священного союза. В сентябре 1824 г. скончался Людовик XVIII. Ему наследовал глава ультрароялистской партии граф д'Артуа под именем Карла X. Внезапная кончина императора Александра I в Таганроге 19 ноября (1 декабря) 1825 г., спровоцировав междуцарствие и восстание декабристов, имела следствием воцарение Николая I, который подобно Карлу X, имел репутацию крайнего консерватора. Последовало беспрецедентное сближение Франции и России по целому ряду внешнеполитических вопросов, но, прежде всего, по вопросу об отношении к греческому восстанию против османского владычества.

Николай I действовал решительно в греческом вопросе. Уже в самом начале его царствования состоялось подписание англо-русского протокола от 23 марта (4 апреля) 1826 г. о посредничестве в греко-турецком конфликте. Французское правительство во главе с Ж. Виллелем, уязвленное в своем самолюбии результатами собственной политики, присоединилось к России и Англии, став третьей стороной в конвенции от 24 июня (6 июля) 1827 г. Турция отказалась удовлетворить предъявленным требованиям, вследствие чего британская, французская и русская эскадры совместно разгромили турецко-египетский флот в Наваринской бухте Пелопоннеса 8 (20) октября 1827 г. Объявленное султаном Махмудом II аннулирование

заклученной годом ранее Аккерманской конвенции послужило сигналом для приготовлений русской армии к переходу через пограничный Прут.

Огюст де Ла Ферронэ возглавил иностранные дела 4 января 1828 г. после восьми лет, проведенных в России в качестве посла Людовика XVIII, затем Карла X. В инструкциях для вновь назначенного посла в Россию К. де Мортемара министр Ла Ферронэ заявлял о своей убежденности в том, что план территориального увеличения России, вписанный в завещание Петра Великого, нисколько не потерял своей актуальности. Первые действия Николая I не могли заглушить опасений дальнейшего нарастания русского экспансионизма: *«Преодоленные пределы Аракса, две большие провинции, приобретенные в Персии, наиболее значительные перевалы между Персией и Турцией во власти России, богатая дань, полученная от шаха...»*²⁵. Было чего опасаться.

Далее министр анализировал отношение европейских держав к начинавшейся войне между Россией и Турцией. Сент-Джеймский кабинет отказывался сотрудничать с Россией, боясь ускорить крушение Османской империи, Австрия держала армию наблюдения на границе Дунайских княжеств, Пруссия проявляла нерешительность. В этом контексте, писал министр Ла Ферронэ, Франция намеревается проводить политику полностью благоприятную России как в отношении ее войны против Порты, так и в перспективе европейской войны. *«Месье де Мортемар даст торжественное заверение, что в намерения короля не входит вступление в какую-либо политическую комбинацию, которая могла бы быть направлена против России. Он расположен, напротив, остаться в союзе с этой державой, убежденный, что такой союз может иметь šťastливое влияние на ситуацию в Европе»*²⁶.

По правде говоря, такой выбор Франции в пользу безусловной поддержки России не был основан на симпатии и благостных побуждениях. Речь шла, прежде всего, о том, чтобы обуздать притязания Российской империи в случае победоносного для нее исхода войны, и даже о том, чтобы вновь открыть Рейнский вопрос в случае раздела Турции. Но, предписывая послу такую линию поведения, О. де Ла Ферронэ не скрывал некоторого волнения перед риском общеевропейской войны. Он повторял также,

---

²⁵Инструкции для г-на герцога де Мортемара, королевского посла в Санкт-Петербурге, 15 мая 1828, Париж. Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Correspondance Politique. Russie. Vol. 174. F. 54. Далее: AMAE. CP Russie.

²⁶Ibidem.

что Франция предпочла бы, чтобы Россия не отделяла свои интересы от интересов своих союзников, начиная войну против Турции.

В ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг. французское правительство, действительно, оказывало России всю возможную дипломатическую и военную поддержку. Но, когда в августе 1829 г. армия под командованием И. И. Дибича оказалась всего в 240 км к северо-западу от Константинополя, державы заподозрили, что европейский интерес, который Россия на словах ставила превыше всего, служил для нее лишь прикрытием ее вековых амбиций.

Жюль де Полиньяк, сменивший Ла Ферронэ в качестве руководителя внешнеполитического ведомства 8 августа 1829 г.²⁷, имел репутацию англофила, но, учитывая сложившиеся на момент его прихода к власти обстоятельства, счел союз с Россией срочной необходимостью. Эдмон де Буалекомт, бывший секретарь посольства в Санкт-Петербурге, сам сторонник русского союза и руководитель политического отдела в министерстве, следующим образом описывал переворот в предпочтениях своего шефа: *«Несмотря на то, что изначально он был пропитан идеями английского союза, опыт одного месяца в общем руководстве нашими делами оказался достаточен, чтобы привести месье де Полиньяка к русской системе»*²⁸. В результате, появился на свет проект переустройства Европы, так называемый «план Полиньяка», охарактеризованный некоторыми современниками как химерический²⁹.

Проект ставил перед собой целью, перекроив европейскую карту с учетом французских интересов, смыть унижение, нанесенное национальному достоинству решениями Венского конгресса. По этому плану Франция возвращала себе Ландау, границу 1814 г. со стороны Германии, Люксембург, Бельгию и голландский Брабант. В выигрыше оказывались также Пруссия, каковая в качестве союзницы России получала Саксонию и Голландию; Россия, приобретавшая Молдавию, Валахию и Армению; Австрия, получавшая Боснию, Хорватию, турецкую Далмацию, Герцеговину и Сербию. Англия могла пожить лишь отходившими к ней голландскими колониями. Король Саксонии взамен утраченного королевства получал рейнские провинции. Король Голландии, также

---

²⁷Министр иностранных дел, он исполнял в то же время функции председателя Совета с ноября 1829 г. по 28 июля 1830 г.

²⁸*Boislecote (vicomte de). Un diplomate sous la Monarchie de Juillet. Paris, 1901. P. 5.*

²⁹*Sorel A. L'alliance russe et la Restauration... P. 113.*

лишенный своего растасканного на куски королевства, перемещался в Константинополь для управления странами, расположенными на юге Балканского полуострова.

После того, как «план Полиньяка» был рассмотрен и принят на Совете министров 4 сентября 1829 г., К. де Мортемар получил конфиденциальную депешу, в которой послу предписывался зондаж намерений царя на этот предмет. Но случай не представился. 2 (14) сентября 1829 г. при посредничестве начальника Генерального штаба Пруссии, генерала Мюффлинга, русские уполномоченные заключили с Турцией Адрианопольский мирный договор.

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать преобладание при режиме Реставрации сторонников русского союза над поборниками английского союза, хотя политическая система сдерживала приверженцев этой политики в силу необходимости учитывать предпочтения председателя Совета министров, короля и даже Палаты депутатов, которая, ставя бюджет министерства на голосование, могла сказать свое весомое слово в вопросе внешнеполитического курса страны. Общественное мнение, наконец, выражало свои предпочтения с большой свободой, несмотря на ограничительные меры, то и дело принимавшиеся правительством. Оппозиционная пресса, в частности, имела достаточно большое распространение, несмотря на чинимые ей препоны в виде штрафов и тюремного заключения.

Напряженность в отношениях России и Франции (1830–1848)

Июльская революция 1830 г., вспыхнувшая в Париже вслед за подписанием Карлом X антиконституционных ордонансов, поставила бывших союзников на грань войны. Баррикадам предшествовало нараставшее противостояние Палаты депутатов королю, вследствие несогласия с реакционной политикой правительства князя Полиньяка и угрозы отмены Хартии. Ордонансы от 26 июля еще раз подтвердили стремление Карла X к абсолютизму, ибо жестко ограничивали свободу слова, предусматривали роспуск оппозиционной Палаты депутатов и ужесточали избирательный закон. После того как политически активное население Франции, среди которого были представлены самые разные слои (рабочие, в том числе типографские, мелкая и крупная буржуазия), засвидетельствовало в течение революционных дней свое несогласие и далее терпеть репрессивный характер режима, либеральные монархисты

мобилизовались, дабы преградить дорогу республике и возвести на трон Луи-Филиппа, герцога Орлеанского.

Император Николай I воспринял в штыки известие о новой революции во Франции, свергнувшей Карла X. Заодно с французскими легитимистами, он считал малолетнего Генриха V, герцога Бордоского, в пользу которого Карл X отрекся от престола, несправедливо обойденным в правах. Герцог Орлеанский, по мнению Николая I, должен был бы удовлетвориться ролью регента, но амбиции завели его слишком далеко. Вспыхнувшая в августе революция в Бельгии усилила раздражение императора против Франции как рассадницы протестных настроений. Последовал запрет на путешествия туда российских подданных. Имелся риск, что Николай I сумеет сколотить коалицию держав Священного союза против мятежных французов, но Великобритания помешала этому. Смена правящей династии во Франции нисколько не шокировала англичан, которые сами осуществили подобный переворот в 1688 г., изгнав неугодного Стюарта и посадив на трон Вильгельма Оранского. Распознав в Июльской монархии устраивавший ее конституционный режим, Англия поспешила оказать ему поддержку, которая послужила препятствием формированию новой коалиции Священного союза, тем более, что Австрия также выказывала примирительные настроения.

Видимая сердечность франко-русских отношений, существовавшая при Карле X, уступила место, начиная с августа 1830 г., напряженности. Несмотря на старания Луи-Филиппа сгладить свою «вину»³⁰, Николай I рассматривал Июльский режим как насильственное изменение в международной системе, учрежденной Венским конгрессом, и попрание прав законного наследника престола герцога Бордоского. Чрезвычайная миссия генерала Аталена в Санкт-Петербург, имевшая целью добиться от императора признания нового режима, закончилась лишь частичным успехом. В письме от 30 сентября 1830 г., извещая Луи-Филиппа о своем признании его восшествия на трон, Николай I отказал ему в традиционном между монархами обращении «Государь, брат мой». В последующие годы существования Июльского режима император сохранил неприязненное отношение к «королю

---

³⁰В частности, в письме от 19 августа 1830 г., в котором Луи-Филипп представлял себя спасителем порядка и выражал надежду на установление прочных отношений между Францией и Россией. См.: *Молок А. И.* Царская Россия и Июльская революция 1830 г. // Литературное наследство. № 29/30. М., 1937. С. 744–745.

баррикад», видя в нем «узурпатора» и упорствуя в своей позиции вплоть до низложения «короля-гражданина» в революционном феврале 1848 г.

Первые десять лет существования Июльского режима были отмечены частой сменой министров иностранных дел. Луи-Матье Моле (11 августа – 2 ноября 1830)³¹, Николя Жозефу Мезону (2 – 17 ноября 1830), а также Орасу Себастиани (17 ноября 1830 – 18 октября 1832) выпало руководить внешней политикой Франции в самые трудные годы становления нового режима. Июльская революция послужила катализатором революционных процессов в Бельгии, Польше, Германии и Италии. В первые месяцы своего существования Июльский режим ощущал постоянную угрозу со стороны консервативных держав, и, прежде всего, России.

Революция 25 августа 1830 г. в Брюсселе, повлекшая за собой отделение Бельгии от Голландии, и восстание в Варшаве 29 ноября 1830 г., имевшее следствием вторжение русских войск в Польшу, в течение нескольких лет служили факторами, осложнявшими отношения между Россией и Францией. Король Голландии Вильгельм I звал к родственным чувствам российского императора, надеясь, что тот придет ему на помощь в борьбе с бельгийскими сепаратистами. Правительство Моле отреагировало на это заявлением, что не допустит военной помощи «северных держав» королю Голландии. Лондонская конференция пяти великих держав призвана была урегулировать бельгийско-голландский конфликт, который, прежде чем окончательно разрешиться в 1839 г., имел несколько этапов, дважды потребовав французской вооруженной помощи бельгийцам.

Внешняя и внутренняя политика государств взаимно между собой, как известно, связаны. Изменения в государственном и политическом устройстве, произошедшие во Франции после Июльской революции, повлекли за собой и необходимость выработки нового внешнеполитического курса. Французская дипломатия Июльской монархии сделала ставку на союз с Великобританией, которая раньше остальных держав, 31 августа 1831 г., признала смену режима во Франции после того как верх взяли соображения политической выгоды и давление общественного мнения³². В то же время, хотя при Июльской монархии не было более речи о тесном сотрудничестве с Россией, Луи-Филипп считал необходимым поддерживать насколько возможно прочные отношения с императорским кабинетом, как, впрочем, и с другими абсолютистскими

³¹Одновременно он возглавлял правительство с 11 августа по 2 ноября 1830 г.

³²*Баутина Н. П.* Правительство герцога Веллингтона и Июльская революция 1830 г. во Франции // Преподаватель XXI век. 2011. Т. 2. № 2. С. 242–247.

режимами, прежде всего, с Австрией и Пруссией. Миролюбие являлось основной отличительной характеристикой внешнеполитического курса Луи-Филиппа.

Претензии Карла X на дипломатический гений выглядели скромно по сравнению с огромными амбициями, которые питал в этой области его преемник на троне из младшей ветви Бурбонов. Король французов Луи-Филипп Орлеанский до такой степени дорожил честью руководить лично иностранными делами и военным департаментом, что рисковал не раз войти в конфликт со своими министрами, которые часто жаловались на его бесцеремонность. Атташе австрийского посольства в Париже граф Родольф Аппоньи записывал в своем дневнике в августе 1832 г.: «Он разыгрывает из себя министра, говорят министры, и вместо того, чтобы помочь нам, препятствует ходу дел...»³³. Адольф Тьер, руководивший дипломатическим ведомством в 1836 г., к своему удивлению обнаружил, что король взял в привычку отправлять послам инструкции, противоречившие его распоряжениям. «Министерские письма распечатываются, – обижался он, – и король отдает указания снять с них копии»³⁴.

Впрочем, лидеры правого центра под названием партия сопротивления (le parti de la résistance), занимавшие в 1830-е и 1840-е гг. кресло министра иностранных дел, были заодно с королем. Они считали необходимым действовать в рамках «европейского концерта», установленного решениями Венского конгресса 1815 г. Доктрина невмешательства была основополагающей идеей их внешней политики. Но им приходилось вести борьбу с парламентским меньшинством левого центра, партией движения (le parti du mouvement), и, прежде всего, ее радикальным крылом, призывавшим к вооруженному содействию национально-освободительной борьбе соседних государств.

Иностранная политика Июльской монархии являлась постоянным поводом для недовольства и критики противников режима, упркавших короля и его министров в пассивности и излишнем миролюбии. Для историка, тем не менее, ясно, что внешняя политика Луи-Филиппа

---

³³Apponyi R. Vingt-cinq ans à Paris (1826 – 1850). 4 t. / Publié par E. Daudet. 4e éd. T. 2. Paris, 1913. P. 246. Свидетельства подобного рода многочисленны. Герцогиня Бланш-Жозефина де Майе отмечала в марте 1835 г.: «Министры ненавидят Луи-Филиппа, он ужасно надоедает им своей придирчивостью и своей манерой все делать, все знать и желанием держать их в своей зависимости». Maillé (duchesse de). Mémoires (1832 – 1851). Inédit. Paris, 1989. P. 120.

³⁴Цит. по: *Castries (duc de)*. Monsieur Thiers. Paris, 1983. P. 122.

отличалась здравомыслием и реализмом. Доктрина невмешательства во внешних делах, которой придерживались правительства Июльской монархии, была продиктована пониманием того, что всякие попытки поддержания революционных движений в Польше или Италии, а также попытки аннексировать бельгийскую территорию или посадить на бельгийский трон сына Луи-Филиппа были бы чреваты военным столкновением со Священным союзом, из которого неокрепший режим не имел бы шансов выйти победителем. Не обладавший военным гением Наполеона Луи-Филипп вполне логично стремился сохранить мир.

Именно в бельгийском вопросе с наибольшей силой проявилось франко-английское «сердечное согласие», активным пропагандистом которого проявил себя Ш.-М. де Тайлеран, посол в Лондоне. Если бы Луи-Филипп уступил пропагандистским призывам сторонников французской Бельгии, Англия, наверняка, поддержала бы Россию в ее раздражении против нового режима и Священный союз воссоздался бы с ее участием против Франции. Англия ни за что не согласилась бы терпеть французский суверенитет в устье Шельды, достаточно вспомнить остервенение, с каким англичане в течение десяти лет вели войну против Наполеона... Поэтому решение Луи-Филиппа действовать в вопросах бельгийской государственности в согласии и в тесном союзе с Форин-оффисом оказалось выигрышным. Его следствием стало создание независимой и нейтральной Бельгии, заключившей матримониальный союз с Францией посредством женитьбы английского ставленника на бельгийском троне Леопольда Саксен-Кобургского на Луизе Орлеанской, старшей дочери Луи-Филиппа.

Не оказав никакой действенной помощи польскому восстанию 1831 г., правительство Луи-Филиппа вынуждено было занять позицию пассивного наблюдателя за расправой самодержавия над его участниками. Но угроза вооруженного нападения России в союзе с Австрией и Пруссией довлела над Францией в течение многих месяцев, и всякая эффективная поддержка полякам лишь сделала бы опасность необратимой. В то же время современники событий неоднократно высказывали мысль о том, что ноябрьское восстание в Варшаве и трудности последующей войны

с Польшей окончательно отвратили Николая I от его воинственных проектов³⁵.

Инструкции от 9 января 1831 г. для герцога де Мортемара, назначенного послом в Россию, начиналась с несколько претенциозного заявления о том, что его миссия предполагает единственной целью *«упрочить узы дружбы, существующие между двумя монархами и двумя народами, которые могут более всего повлиять на будущее Европы и более всего способны обеспечить ей благодать поддержания мира»*³⁶. Миссия Казимира де Мортемара определялась как «европейская». Претенциозность, несколько удивительная в условиях нового порядка вещей, проистекала из того, что в Париже большие надежды возлагали на ее успех, рассчитывая восстановить былое согласие ввиду доверительных отношений, которые герцог смог установить с императором в ходе своего предыдущего посольства, а также знания им характера российского самодержца. Инструкция подчеркивала твердость позиции Луи-Филиппа в отказе бельгийцам на их предложения объединить Бельгию с Францией и вручить бельгийский трон одному из его сыновей. В отношении Польши указывалось на то, что единственное желание Франции состоит в восстановлении спокойствия в этой точке Европы *«путем примирения и без пролития крови»*³⁷. Мортемару предписывалось ненавязчиво предложить французское посредничество для содействия этому миролюбивому проекту.

После того как бельгийский конгресс 3 февраля 1831 г. отдал большинство голосов за кандидатуру герцога Немурского, а бельгийская депутация прибыла в Париж, последовали новые инструктивные записки, призванные подтвердить отказ Луи-Филиппа от претензий на трон Бельгии. В обмен требовалось добиться от Николая I поддержки французского неприятия кандидатуры герцога Лейхтенбергского на бельгийский трон³⁸. Что же до польского вопроса, то после провозглашения низложения Николая I сеймом 25 января 1831 г. и начала военных действий, французское правительство могло уповать лишь на урезонивание императора, чтобы смягчить его гнев. Инструкции Луи-Филиппа для Поля де Бургуэна,

---

³⁵См. *Таньшина Н. П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005.

³⁶Инструкция О. Себастиани для К. де Мортемара от 9 января 1831, Париж. АМАЕ. CP Russie. Vol. 182. F. 46.

³⁷Ibid. F. 49.

³⁸См.: О. Себастиани – К. де Мортемару от 7 февраля 1831, Париж. АМАЕ. CP Russie. Vol. 182. F. 142–144.

назначенного в Санкт-Петербург в ранге посланника, вменяли ему в обязанность безустанно требовать от императорского правительства «точного исполнения договоров в пользу Королевства Польского»³⁹.

Весть о штурме Варшавы имела следствием антирусские манифестации в Париже (16 – 18 сентября 1831), а также оживленные дебаты в Палате депутатов. Председатель Совета министров Казимир Перье, который так же, как и его предшественник на этой должности Жак Лаффит⁴⁰, стоял на позиции невмешательства в польский вопрос, а также министр иностранных дел Орас Себастиани оказались в ситуации атакуемых, отвечая на нападки уличной толпы, а также парламентской оппозиции. Впоследствии в Палате депутатов ежегодно произносились речи в поддержку поляков, угнетаемых царским режимом, а ответный адрес на тронную речь содержал слова осуждения русской политики в Польше, лишенной по «Органическому статуту» от 26 февраля 1832 г. сейма и войска, и объявленной неотъемлемой частью России.

Инструкции Себастиани для посла в Санкт-Петербурге маршала Мортье, герцога Тревизского, начиналась с констатации охлаждения во франко-русских отношениях как следствия Июльской революции и событий в Польше. Понимая невозможность восстановить франко-русское согласие времен Карла X, министр вменял послу в обязанность заявить о желании Луи-Филиппа установить более доверительные отношения с Россией. Послу предписывалось избегать всякого официального демарша в пользу Польши, что только озлобило бы императора, очень чувствительного к этой теме. Зато посол должен был воспользоваться всяким случаем для того, чтобы в частных беседах с императором засвидетельствовать интерес Франции к судьбе поляков и исподволь склонять его к великодушному обращению с побежденным народом. Прием, который Франция оказывала польским беженцам, также должен был объясняться исключительно в свете вспомоществования обездоленным⁴¹.

Герцог Виктор де Бройль, который сменил Себастиани в 1832 г., дважды руководил внешней политикой Июльской монархии. В первый

---

³⁹Депеша Бургуэна от 31/19 августа 1831 № 72, СПб. АМАЕ. CP Russie. Vol. 183. F. 110.

⁴⁰Жак Лаффит возглавлял французское правительство с 2 ноября 1830 г. по 13 марта 1831 г., Казимир Перье, пришедший ему на смену, управлял делами до 16 мая 1832 г.

⁴¹Инструкции для маршала Мортье, герцога Тревизского, посла короля французов в России, 16 марта 1832, Париж. АМАЕ. CP Russie. Vol. 184. F. 102.

раз он пробыл в должности полтора года (18 октября 1832 – 3 апреля 1834). Восточный кризис 1833 г., в основе которого лежали амбиции египетского паши Мухаммеда Али, желавшего расширить свои владения в Азии и завоевать независимость от султана Махмуда II, способствовал еще большей напряженности в отношениях Франции и России. Тогда, как известно, Россия, откликнувшись на призыв Турции о помощи, направила эскадру и экспедиционный корпус в Константинополь, в то время как французский посол при султанском дворе адмирал Руссен отчаянно пытался привести враждующие стороны к согласию. Протест В. де Бройля против русско-турецкого Ункяр-Искелесийского договора об оборонительном союзе от 26 июня (8 июля) 1833 г., был составлен в резких тонах и поддержан главой Форин оффис лордом Пальмерстоном⁴².

Впрочем, Л.-В. де Бройль считал войну Франции с Россией делом недалекого будущего, что следует из его конфиденциального письма к Шарлю Брессону, французскому посланнику в Берлине. Министр выражал мнение, что, как только Россия путем серии военных оккупаций закрепится на малоазиатском побережье, Австрия *«поступит как собака, которая несла на шею завтрак своего хозяина, и согласится на свою долю»*⁴³. Прежде чем положить конец захватнической политике России на Востоке, Бройль считал необходимым, во-первых, дождаться укрепления Июльского режима, а во-вторых, перетянуть Австрию на сторону Франции и Англии. Эти нацеленные в будущее воинственные проекты министра шли вразрез с миролюбивой политикой короля. Инцидент с письмом Луи-Филиппа к императору Николаю I, которое было написано в январе 1834 г., но так и не дошло до адресата, очень показателен в этом отношении. Бройль, хотя и считал угрожающее бряцание оружием, практиковавшееся англичанами в адрес России, делом преждевременным, ликвидировал это письмо и только в апреле, после отставки министра, король узнал о его поступке⁴⁴.

Возрождение Священного союза в составе трех «северных дворов» России, Австрии и Пруссии, имевшее место на переговорах в Мюнхенграце и Берлине (сентябрь – октябрь 1833), поддерживало напряженность в международных отношениях. На Берлинский договор от 10 октября 1833

⁴²См.: *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887. С. 382–383.

⁴³*Thureau-Dangin P.* Histoire de la Monarchie de Juillet. 7 t. T. 2. Paris, 1897. P. 419.

⁴⁴*Ibid.* P. 409.

г., зафиксировавший союз трех держав в борьбе против революционной пропаганды, Бройль отреагировал свысока, как это было его обыкновением. Четверной союз между Францией, Англией, Испанией и Португалией, подписанный 22 апреля 1834 г. воспринимался многими современниками как ответ конституционных держав на Мюнхенрец, хотя на деле имел целью помощь правительствам Мадрида и Лиссабона в борьбе против абсолютистских претендентов дона Карлоса и дона Мигела.

В инструкциях, предназначавшейся для посла в России маршала Н. Ж. Мезона, Л.-В. де Бройль подвел итог франко-русским отношениям за трехлетний период. Министр подчеркнул, что две дипломатии имели мало прямых контактов, и что двусторонние отношения оставались, по-прежнему, напряженными. Бройль объяснял далее, как Франция представляет себе будущее своих отношений с Россией, предоставив *«справедливому суждению»* Мезона вывести из этого линию своего поведения. *«Не отрицая выгоды, которые имел для нас в другую эпоху тесный союз с Санкт-Петербургским кабинетом, мы прекрасно понимаем, что в теперешних обстоятельствах не только невозможно его восстановить, но что было бы опасным ослеплением его желать и направлять открыто к этой цели комбинации нашей политики»*⁴⁵. В то же время, Бройль указывал на необходимость добиться от императорского правительства, по меньшей мере, внешнего доброжелательства, чтобы поднять отношения с Россией на уровень отношений с Пруссией и Австрией. Инструкции были написаны жестким слогом.

После годичного перерыва, в течение которого иностранными делами руководил адмирал Анри Риньи (3 апреля 1834 – 12 марта 1835), Бройль вновь возглавил министерство. Его инструкции от 16 октября 1835 г. П. де Баранту, назначенному послом в Санкт-Петербурге, во многом повторяли положения, содержащиеся в руководящих указаниях для Мезона⁴⁶. В них ничего не говорилось о новой встрече российского императора с императором Австрии и королем Пруссии в Калише и Теплице (август – сентябрь 1835). Бройль считал нужным отметить *«равнодушие, несколько пренебрежительное»*, с каким Россия отреагировала на французский

---

⁴⁵Инструкции герцога де Бройля для г-на маршала маркиза Мезона, посла Франции в России, 28 октября 1833, Париж. См.: *Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. 6 t. Paris, 1858 – 1867. Т. 4. P. 386.

⁴⁶Инструкции герцога де Бройля для барона де Баранта от 16 октября 1835, Париж // *Barante P. de. Souvenirs du baron de Barante de l'Académie française (1782–1866)*. 7 t. Т. 5. Paris, 1895. P. 202.

протест против Ункяр-Искелесийского договора⁴⁷. Инструкции предписывали Баранту не говорить с российским правительством ни о Востоке, ни о Польше, по крайней мере, в первое время. В общем, он должен был попробовать восстановить дружественные отношения, но не искать близкого согласия. Имелся риск, что такое согласие будет плохо встречено французским общественным мнением в тот час, когда правительство поворачивалось спиной к некоторым принципам, на защиту которых встали революционеры в июльские дни 1830 г.

В отличие от Бройля, при котором французская дипломатия носила отпечаток его высокомерного характера, вступавшего в конфликт с претензиями короля на руководство внешней политикой, Адольф Тьер, возглавив министерство иностранных дел 22 февраля 1836 г., старался выстраивать свою политическую линию в соответствии с королевскими пожеланиями. Луи-Филипп же склонялся к политике сближения с консервативными державами, прежде всего Австрией и Пруссией, не забывая при этом и Россию в лице ее представителя Ш.-А. Поццо ди Борго, с которым постарался установить доверительные отношения. Императору Николаю I такая дружба пришлась не по вкусу, чем объясняется отзыв Поццо ди Борго в Санкт-Петербург (1834) и замена его графом П. П. Паленом в конце 1835 г. В период своего пребывания у власти Адольф Тьер вел ораторские бои в Палате депутатов в поддержку российской политики на Востоке, пытаясь повлиять на мнение народных парламентариев и обелить Россию в их глазах.

Матье Моле, занимавший пост министра иностранных дел с 6 сентября 1836 г. по 31 марта 1839 г., затем депутат, внимательный к вопросам внешней политики в 1840-е годы, имел репутацию сторонника прочного согласия с Российской империей. Так, русский дипломат, аккредитованный в Париже, указывал в декабре 1842 г. на *«симпатии, которые приписывают графу Моле в пользу союза с Россией»*⁴⁸.

Восточный кризис 1840 г., начавшийся с турецко-египетских военных действий, вызванных желанием султана отобрать у своего вассала, египетского паши, Сирию, вновь обострил франко-русские отношения. В предкризисный и кризисный период внешней политикой

---

⁴⁷Ibid. P. 203.

⁴⁸Он добавлял, что салон графини Корделии де Кастеллан, в который часто навещался М. Моле, *«походит на салон, преданный русским интересам»*. Balabine V. Journal de Victor Balabine, secrétaire de l'ambassade de Russie à Paris de 1842 à 1847. Publié par E. Daudet. Paris, 1914. P. 106.

Франции руководили маршал Николая Сульт (12 мая 1839 – 1 марта 1840), а затем Адольф Тьер (1 марта – 29 октября 1840). Как писал французский историк международных отношений Пьер Ренувен, действия императорского правительства по мере развития кризисной ситуации на Востоке характеризовались осторожностью, в то время как французское правительство проявило неосмотрительность, решив поддерживать претензии Мухаммеда Али против всей Европы⁴⁹. Результат известен. Сближение российской и английской дипломатий, изоляция Франции вследствие договора 15 июля 1840 г., подтвердившего единство позиций Великобритании, России, Австрии и Пруссии в египетском вопросе. Франция не имела никаких прямых интересов в этом конфликте, тем не менее, Тьер вел дело к войне, которая готова была вспыхнуть (пруссские националисты находились в крайней экзальтации), не воспротивився Луи-Филипп такой перспективе.

Сменивший Тьера хотя Франсуа Гизо, министр иностранных дел с 29 октября 1840 г., сумел покончить с временной изоляцией Франции, отказавшись от всякой воинственной риторики в поддержку египетского паши и поставив свою подпись под Лондонской конвенцией о проливах от 13 июля 1841 г., двусторонние отношения с Россией оставались, по-прежнему, напряженными. Руководивший министерством иностранных дел Июльской монархии вплоть до ее краха 24 февраля 1848 г., Ф. Гизо возглавлял одновременно правительство, известное как «министерство мира»⁵⁰, и зарекомендовал себя как чемпион консервативной политики в Европе. Воспользовавшись пребыванием у власти в Лондоне торийского кабинета Р. Пиля, Гизо поспешил восстановить «сердечное согласие» между двумя странами. При этом, по свидетельству русского дипломата в Париже Виктора Балабина, связь министра с русской княгиней Дарьей Христофоровной Ливен создавала ему репутацию политика, стремящегося к сближению с Россией, в той же мере, как и с Англией⁵¹, что, разумеется, было неверно.

С именем Гизо связан дипломатический инцидент 6 (18) декабря 1841 г., в результате которого Франция вплоть до 1848 г. была

---

⁴⁹Histoire des relations internationales. 3 vol. / Sous la direction de Pierre Renouvin. Paris, 1954. Vol. II. P. 430.

⁵⁰Хотя маршал Н. Сульт занимал должность председателя Совета с 29 октября 1840 г. по сентябрь 1847 г., на деле правительством руководил Ф. Гизо, вступивший в должность после отставки Сульта.

⁵¹*Balabine V. Journal de Victor Balabine...* P. 104–105.

представлена в российской столице исключительно поверенными в делах. Этот инцидент, а именно отсутствие поверенного в делах Огюста Перье на императорских именинах в день Святого Николая, стал ответом Гизо на внезапный отъезд посла Российской империи графа П. П. Палена из Парижа. Не без оснований усмотрев в этом злую волю императора Николая I, не желавшего, чтобы его представитель по заведенному при Тюильрийском дворе порядку, как старейшина дипломатического корпуса, произнес приветственную речь в адрес Луи-Филиппа, Гизо решил раз и навсегда положить конец долготерпению своего короля. *«Чем более наша политика будет консервативной и миролюбивой, – заявил он в письме к французскому послу в Вене графу Флао, – тем более мы будем щепетильны в отношении нашего достоинства»*⁵².

Поведение императорской дипломатии в 1840 г. свидетельствовало о том, что личное нерасположение императора к Июльскому режиму проникло в его политику. Гизо имел все основания думать, что разрыв между Англией и Францией в Восточном вопросе, как нельзя более удовлетворял Санкт-Петербург. И именно этот опыт, как объяснял Гизо в другом письме к графу Флао, вынудил Францию с большей серьезностью, нежели в предшествовавшие годы, отнестись к недостатку такта в поведении императора⁵³.

В 1844 г. «сердечное согласие» Франции с Англией вновь дало трещину в связи с так называемым «делом Притчарда», по имени английского агента, арестованного французскими властями вследствие попыток сповоцировать восстание на острове Таити. Его освобождение, совершившееся под английским давлением, послужило поводом французским радикалам для того, чтобы обвинить правительство в унижении национального достоинства. На самом деле, все было не так катастрофично, учитывая, что Франция сохранила Таити в составе своей колониальной империи.

Охлаждение в отношениях Англии и Франции еще более усугубилось в результате кризиса, спровоцированного в 1846 г. испанскими браками. Женитьба герцога де Монпансье, сына Луи-Филиппа, на испанской инфанте Луизе-Фернанде знаменовала собой дипломатический успех Гизо, но вызвала протесты Лондона, ссылавшегося на нарушение статьи Утрехтского договора о недопущении браков между испанскими

---

⁵²Guizot F. Le Roi Louis-Philippe et l'Empereur Nicolas (1841–1843) // Revue des Deux Mondes. 1er janvier 1861. P. 15.

⁵³Ibid. P. 25.

Бурбонами и отпрысками Орлеанской династии. Заключенный параллельно брак королевы Изабеллы II с Франсиско д'Ассис Бурбоном, ее кузеном, в поддержку которого выступила Франция в противовес английской кандидатуре принца Саксен-Кобургского, усилил раздражение Лондона. Это заставило французские правящие круги искать новых союзников, в результате чего правительство Гизо пошло на сближение с Австрией, молча согласившись с присоединением к ней Кракова в 1846 г. Санкт-Петербург, более удаленный, пользовался меньшим вниманием, чем Вена. К тому же французский министр ожидал от Николая I первого шага, направленного к восстановлению полноценных дипломатических отношений.

Впоследствии Гизо выскажет мнение, что в 1840-е гг. император Николай I, хотя и упорствуя в легитимистских принципах, все больше сожалел о своем образе действий по отношению к Луи-Филиппу⁵⁴. Разрешение великому князю Константину Николаевичу на посещение Тулона в 1845 г., финансовая операция с банком Франции в 1847 г., а также неудача попыток Пальмерстона спровоцировать русский протест против французской политики в вопросе испанских браков дали повод думать о некотором смягчении позиции Николая I.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что политика кабинета Реставрации лавировала между двумя потенциальными союзниками – Россией и Англией. Политическая линия А.-Э. де Ришелье, ориентированная на тесное сотрудничество с Россией, была представлена Э.-Д. Паскье, Ф.-Р. де Шатобрианом, М. де Дама и О. де Ла Ферронэ. После победы Июльской революции, А. Тьер и М. Моле зарекомендовали себя как сторонники сближения с Россией.

Противоположная политическая линия, ориентированная на сотрудничество с Великобританией, имела мало сторонников в эпоху Реставрации, получив реализацию при Июльской монархии в силу угрозы, которая довлела над конституционными режимами со стороны союза абсолютистских «северных держав». Крайне миролюбивый «король баррикад» Луи-Филипп Орлеанский рассчитывал при этом на мирное сосуществование с Российской империей, стойко снося пренебрежительное отношение императора Николая I до тех пор, пока принципиальный Ф. Гизо не посчитал необходимым вступить за достоинство своего государя и государства.

---

⁵⁴Ibid. P. 47.

Значение, которое руководители внешней политики Франции в период с 1814 по 1848 г. придавали отношениям с Российской империей, находило отражение в инструкциях для французских послов в России. При Реставрации послам предписывалось приложить старания к тому, чтобы сделать союз Франции с Россией более тесным, соблюдая при этом необходимую осторожность, дабы не вызвать недовольства со стороны императора Александра I, который не желал брать на себя никаких письменных обязательств. Недоверчивость Александра I воспринималась как стопор на пути ранко-русского сближения, как и различия политических режимов, диктовавшие неодинаковый подход к феномену революционных движений в европейских странах. В последующем, при Июльской монархии, Франция желала нормализовать отношения с Россией, вследствие чего дипломатам предписывалось избегать затрагивать в разговорах с императором чувствительные темы о Ближнем Востоке, Польше и т.п. Но при этом не было речи о том, чтобы искать близкого согласия и взаимопомощи, как это практиковалось в эпоху Реставрации.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников, Владимир Николаевич, Возгрин, Валерий Евгеньевич, Гончарова, Татьяна Николаевна, Евдокимова Н. П., Климова Г. С., Сидоренко Л. В., Соколов О. В., Пленков О. Ю., Фокин В. И. От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв. / Под ред. А. В. Смолина. СПб.: Изд-во РХГА, 2016.

Баутина, Наталья Петровна. Правительство герцога Веллингтона и Июльская революция 1830 г. во Франции // Преподаватель XXI век. 2011. Т. 2. № 2. С. 242–247.

Молок, Александр Иванович. Царская Россия и Июльская революция 1830 г. // Литературное наследство. № 29/30. М., 1937. С. 727–762.

Платонова, Наталья Сергеевна. Франко-русские отношения с начала Реставрации Бурбонов до смерти императора Александра I // Известия Иваново=Вознесенского политехнического института / Под ред. К. Н. Шапошникова. Пг., 1921. № 3. Июнь. С. 91–147.

Слезкин, Лев Юрьевич. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М.: Наука, 1964.

Таньшина, Наталия Петровна. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005.

Татищев, Сергей Спиридонович. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887.

Boislecomte (vicomte de). Un diplomate sous la Monarchie de Juillet. Extrait du «Correspondant». Paris: De Soye et fils, 1901.

Castelot, André. Charles X. La fin d'un monde. Paris: Perrin, 1988.

Castries (duc de). Monsieur Thiers. Paris: Perrin, 1983.

Contamine, Henri. Diplomatie et diplomates sous la Restauration (1814–1830). Paris: Hachette, 1970.

Guizot, François. Le Roi Louis-Philippe et l'Empereur Nicolas (1841–1843) // Revue des Deux Mondes. 1er janvier 1861. P. 5–47.

Histoire de la diplomatie française / Présentation de D. de Villepin. Paris: Perrin, 2005.

Histoire des relations internationales. 3 vol. / Sous la direction de Pierre Renouvin. Paris: Hachette, 1954. Vol. II.

Marcellus, comte de. Chateaubriand et son temps. Paris: Michel Lévy, 1859.

Schroeder, Paul W. The transformation of European politics 1763–1848. Oxford: Clarendon press, 1994.

Sorel, Albert. L'alliance russe et la Restauration // Essais d'histoire et de critique. Paris: E. Plon et Cie, 1883. P. 98–116.

Thiers, Adolphe. Histoire du Consulat et de l'Empire. En 20 vol. T. 18. Paris: Paulin, Lheureux et Cie, 1860.

Thureau-Dangin, Pierre. Histoire de la Monarchie de Juillet. 7 t. 2e éd. T. 2. Paris: Plon, 1897.

Viel-Castel, Louis de. Histoire de la Restauration. 20 t. T. 9. Paris: Michel Lévy frères, 1866.

Waresquiel, Emmanuel de. Talleyrand: le prince immobile. Édition revue et augmentée avec des documents inédits. Paris: Fayard, 2006.

REFERENCES

Baryshnikov, Vladimir Nikolaevich, Vozgrin, Valerij Evgen'evich, Goncharova, Tat'jana Nikolaevna, Evdokimova N. P., Klimova G. S., Sidorenko L. V., Sokolov O. V., Plenkov O. Ju., Fokin V. I. *Ot nacional'nyh gosudarstv k edinoj Evrope: problemy evropejskoj integracii v XIX–XXI vv. [From Nation-States to the European Integration*

in the 19–21st centuries]. Edited by A. V. Smolin. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RHGA Publ., 2016.

Bautina, Natal'ja Petrovna. Pravitel'stvo gercoga Vellingtona i Ijul'skaja revoljucija 1830 goda vo Francii [The Government of the Duke of Wellington and the July Revolution of 1830 in France], in *Prepodavatel' XXI vek [Teachers of the 21st century]*. 2011. T. 2. № 2. P. 242–247. (In Russian)

Boislecote (vicomte de). *Un diplomate sous la Monarchie de Juillet. Extrait du «Correspondant»*. Paris: De Soye et fils, 1901.

Castelot, André. *Charles X. La fin d'un monde*. Paris: Perrin, 1988.

Castries (duc de). *Monsieur Thiers*. Paris: Perrin, 1983.

Contamine, Henri. *Diplomatie et diplomates sous la Restauration (1814–1830)*. Paris: Hachette, 1970.

Guzot, François. Le Roi Louis-Philippe et l'Empereur Nicolas (1841–1843), in *Revue des Deux Mondes*. 1er janvier 1861. P. 5–47.

Histoire de la diplomatie française / Présentation de D. de Villepin. Paris: Perrin, 2005.

Histoire des relations internationales. 3 vol. Sous la direction de Pierre Renouvin. Paris: Hachette, 1954. Vol. II

Marcellus, comte. de. *Chateaubriand et son temps*. Paris: Michel Lévy, 1859.

Molok, Aleksandr Ivanovich. Carskaja Rossija i Ijul'skaja revoljucija 1830 goda [Tsarist Russia and the July Revolution of 1830], in *Literaturnoe nasledstvo [Literary heritage]*. № 29/30. Moscow, 1937. P. 727–762. (In Russian)

Platonova, Natal'ja Sergeevna. Franko-russkie otnoshenija s nachala Restavracii Burbonov do smerti imperatora Aleksandra I [Franco-Russian relations from the beginning of the Restoration of the Bourbons to the death of Emperor Alexander I], in *Izvestija Ivanovo-Voznesenskogo politehnicheskogo instituta [Izvestiya of the Ivanovo-Voznesensk Polytechnic Institute]*. Edited by K. N. Shaposhnikov. Petrograd, 1921. № 3. Ijun'. P. 91–147. (In Russian)

Schroeder, Paul W. *The transformation of European politics 1763–1848*. Oxford: Clarendon press, 1994.

Slezkin, Lev Jur'evich. *Rossija i vojna za nezavisimost' v Ispanskoj Amerike [Russia and the War of Independence in Spanish America]*. Moscow: Nauka Publ., 1964. (In Russian)

Sorel, Albert. L'alliance russe et la Restauration, in *Essais d'histoire et de critique*. Paris: E, Plon et Cie, 1883. P. 98–116.

Tan'shina, Natalija Petrovna. *Politicheskaja bor'ba vo Francii po voprosam vneshnej politiki v gody Ijul'skoj monarhii [Political struggle in France on foreign policy issues in the years of the July monarchy]*. Moscow, 2005. (In Russian)

Tatishhev, Sergej Spiridonovich. *Vneshnjaja politika imperatora Nikolaja I [The foreign policy of Emperor Nicolas I]*. Saint-Petersburg, 1887. (In Russian)

Thiers, Adolphe. *Histoire du Consulat et de l'Empire*. En 20 vol. T. 18. Paris: Paulin, Lheureux et Cie, 1860.

Thureau-Dangin, Pierre. *Histoire de la Monarchie de Juillet*. 7 t. 2e éd. T. 2. Paris: Plon, 1897.

Viel-Castel, Louis de. *Histoire de la Restauration*. 20 t. T. 9. Paris: Michel Lévy frères, 1866.

Waresquiel, Emmanuel de. *Talleyrand: le prince immobile*. Édition revue et augmentée avec des documents inédits. Paris: Fayard, 2006.